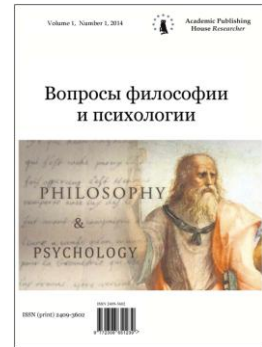

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 4, Is. 2, pp. 67-76, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.4.67
www.ejournal20.com

UDC 140.8

Biological, Social, and Personal Determination of Morality and Criminal Behavior

¹ Nikolai I. Gubanov

² Nikolay N. Gubanov

¹ Tyumen State Medical Academy, Russian Federation
Building 48, Apartment 413, street Odessa, Tyumen, 625023
Head of the Department of Philosophy, Professor
E-mail: gubanov48@mail.ru

² Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Russian Federation
Building 13, Building 2, Apartment 19, Dolgoprudnaya Street, Moscow, 127411
Associate Professor
E-mail: gubanovnn@mail.ru

Abstract

The authors attempt to outline the concept of the triple determination of criminal behavior. This behavior depends on the legacy of liability, the social environment and personal principle – man's free will, his mind and selfdetermination. The genetic influence is manifested in the form of immoral and criminal inclinations – to a greater or lesser predisposition to aggressive actions. The magnitude of the criminal instincts of the human population is placed on the distribution curve of random values. The extent to which criminal inclinations is determined by social conditions of human habitation, especially the conditions of education and training. Among people living in the same social conditionstions, more crimes committed individuals with a greater magnitude of criminal instincts. The free will of man, based on a reasonable analysis of their existential situation can counteract and neutralize internal aggressive impulses associated with heredity and living conditions, as the most decisive factor in human behavior. Diagnosis value of genetic predisposition to criminal behavior can serve as a basis for designing measures psychotherapeutic behavioral abnormalities persons with genotype neutralizing internal implementation of aggressive impulses personally self, creating a system of education that prevents impletion criminal inclinations.

Keywords: the makings ability, criminal skills, biosocial selection, aggressiveness, free will, the method of twins, diagnostic criminal inclinations.

На протяжении всей истории общества проблема преступности волновала как юристов, так и всех остальных людей. В настоящее время в нашей стране эта проблема стала одной из самых острых и актуальных социальных проблем. И главный вопрос в этой проблеме – вопрос о причинах криминального поведения. В связи с этим большой интерес вызывают следующие вопросы: 1) существует ли природно-генетическая обусловленность нравственных качеств человека (позитивных и негативных), а также преступности; 2) целиком ли криминальное поведение определяется обучением, воспитанием,

экономическими условиями и другими социальными факторами; 3) какую роль в криминальном поведении играет свободная воля человека и его разум, способны ли они препятствовать бессознательным и сознательным внутренним агрессивным импульсам?

Аналогично ситуации с проблемой биосоциальной детерминации интеллекта здесь выделялись две крайние концепции: одна, идущая от итальянского антрополога Ч. Ломброзо и представляющая преступность прямым следствием дурной наследственности, и другая, объясняющая все проявления преступности исключительно социально-экономическими и социально-культурными факторами.

Ломброзо на основе антропологических измерений осуждённых за преступления людей пришёл к выводу о том, что существуют прирождённые преступники, обладающие особыми физическими чертами (сплюснутый нос, низкий лоб, большие челюсти и др.). Предложенная Ломброзо таблица признаков «прирождённого преступника», по его мнению, характеризует атавистические черты личности, которая от рождения наделена преступными наклонностями [1]. Продолжателем идей Ломброзо был его соотечественник Э. Ферри. Отечественный криминолог Д.А. Дриль, правильно признавая влияние наследственности на криминальное поведение, тем не менее, считал, что термин «прирождённый преступник» неудачен [2]. Он правильно отмечал, что люди могут унаследовать особую психофизиологическую организацию, которая предполагает к преступлению, но не обязательно она должна толкнуть к противоправному поведению. Здесь в умалчиваемой форме допускается возможность влияния на криминальное поведение свободной воли человека.

Учение Ломброзо и его последователей абсолютизирует роль генетических факторов в осуществлении криминального поведения, но в нём, как и в любом одностороннем учении, в гипертрофированном виде содержится и определённое рациональное зерно, а именно: мысль о влиянии наследственности на криминальное поведение. В XX в. большинство отечественных авторов в соответствии с доминировавшей и почти официальной установкой на абсолютизацию социальной сущности человека давало отрицательный ответ на вопрос о генетической обусловленности нравственности и безнравственности, законопослушного и криминального поведения. Положение не совсем ещё изменилось и в настоящее время. Хотя концепцию исключительно социальной детерминации психики человека в настоящее время никто активно не отстаивает, как, например, в 80-е годы прошлого века это делали Э.В. Ильенков и Н.П. Дубинин, но в целом при разработке антропологической проблематики наблюдается недостаточное внимание роли генетических факторов в становлении способностей человека.

Это даёт себя знать и при обсуждении вопроса о причинах криминального поведения. Хотя в современном учебнике криминологии под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова признаётся, что «человек – продукт совместного воздействия как биологических, так и социальных факторов» [3, с. 36], но в главе «Личность преступника» отмечается лишь, что влияющая на преступность «высокая тревожность может быть прирождённой» [3, с. 174]. Аналогичная картина и в учебнике Ю.М. Антоняна [4, с. 102-133].

В последнее время некоторыми отечественными философами была предпринята попытка конкретного синтеза рациональных моментов приведённых выше крайних концепций преступности, на основе концепции единства природной и социальной детерминации интеллекта как системы способностей [5]. Суть последней состоит в следующем: для формирования способностей человека необходимы как наследственные задатки, представленные определённым уровнем морфологической структуры мозга, так и соответствующие социальные условия – условия, в которых протекают игра, обучение, общение, трудовая деятельность людей. Наследственные задатки передаются по каналу генетической наследственности от родителей к детям и представляют собой природную одарённость человека. Социальные условия вместе с активностью самих людей реализуют задатки и превращают их в соответствующие способности.

О необходимости наследственных задатков для формирования способностей и сознания говорит тот факт, что предпринимавшиеся неоднократно попытки «воспитания» детёнышей шимпанзе вместе с детьми человека не привели к социализации обезьяны и превращению её в разумное существо. Человек от рождения не обладает речевыми и мыслительными способностями, но имеет задатки к их формированию. Обезьяна же такими

задатками не обладает. Поэтому у человека в процессе обучения и общения формируются соответствующие способности. Обезьяна же в любых условиях остаётся животным. Чтобы стать разумным существом, недостаточно лишь жить в социальной среде, необходим ещё определённый, притом высокий, уровень биологической организации индивида. О необходимости социальных условий для становления интеллекта свидетельствует тот факт, что дети, в раннем возрасте оторванные от общества и выросшие вместе с животными, не обладали понятийным мышлением и речью, а будучи возвращёнными в общество при достижении ими определённого возраста, не могли уже научиться этому. Вне социальной среды задатки человеческого интеллекта реализованы быть не могут, по крайней мере, до той степени, которая необходима для успешной социализации индивида.

Согласно этой концепции, генотип детерминирует психические возможности (задатки) человека, а социальные условия определяют, насколько эти задатки реализовались посредством воспитания и обучения. В результате отсутствия направленного подбора супружеских пар и наличия естественного мутационного процесса, имеющего случайный характер, величины задатков разных людей укладываются на кривую распределения случайных величин: наибольшее количество людей обладает какой-то средней величиной задатка, а людей с большей или меньшей величиной этого задатка всё меньше и меньше по мере удаления от средней величины.

Прямых способов измерения задатков ещё не существует, с помощью тестов измеряют величину способности, которая представляет собой актуализированный компонент задатка. Однако наличие у людей различий в задатках подтверждают данные о том, что величины способностей, выраженные с помощью коэффициента интеллектуальности (IQ), у детей, живущих с рождения в сиротских приютах в одинаковых условиях, характеризуются статистическим распределением [6, с. 400]. Последнее объяснимо лишь различиями в величинах задатков этих детей.

Кроме различий в задатках люди имеют различия в условиях обучения и воспитания. Различия в биологической детерминации и различия в социальной детерминации способностей различных людей определяют всё многообразие интеллектуальных качеств людей. Покажем двойную детерминацию способностей на гипотетическом примере. Допустим, для трёх лиц задатки какой-либо способности составляют соответственно 100, 90 и 70 условных единиц. Если бы эти задатки полностью реализовались, то и их способности равнялись бы приведённым числам. Пусть возможности реализовались для каждого соответственно на 25, 30 и 40 % в зависимости от условий воспитания. Тогда их способности будут соответственно равны 25, 27 и 28 условным единицам. Таким образом, на кривую распределения по величине задатков накладывается кривая распределения по социальным условиям. В итоге не всегда те люди, которые имели более высокие задатки (одарённость), будут обладать и более развитыми способностями.

Наследственные задатки проявляются в склонности человека к той или иной деятельности. Поскольку к одним видам деятельности человек проявляет большую склонность, а к другим – меньшую, то это позволяет заключить, что каждый человек обладает *индивидуальным профилем одарённости* – качественно своеобразным соотношением величин задатков. Существование индивидуального профиля одарённости означает, что о большей или меньшей одарённости можно говорить лишь в отношении конкретной способности: на кривой распределения величин задатков человеческой популяции один и тот же человек будет занимать разные места в зависимости от того, какая способность будет рассматриваться. Величина наиболее выраженного задатка, как бы вершина в структуре задатков, у людей может быть различной. Поэтому люди могут иметь различающуюся по степени одарённости и в том деле, которое для них служит призванием.

На основе изложенного Н.И. Губановым, Н.Н. Никольской, Г.И. Царегородцевым, Г.Х. Шингаровым были намечены контуры концепции двойной детерминации криминального поведения: человек не имеет врождённых способностей к преступлению (как и любых других врождённых способностей), но он имеет врождённые задатки к формированию криминальных способностей. Реализуются ли эти задатки, и в какой степени, определяется социальными факторами (воспитанием, обучением, экономическими и политическими условиями жизни) [5; 6]. Концепция двойной детерминации криминального поведения, несомненно, является более верной по сравнению с

биологизаторской концепцией Ломброзо и социологизаторской советской концепцией. Однако и она не обладает нужной степенью адекватности.

Дело в том, что все качества человека, в том числе и те, которые влияют на его поведение, включая туда и криминальное, имеют не один и не два, а три источника детерминации: 1) природное начало – генотип, наследственность человека; 2) социальное начало – экономические, политические, культурные условия жизни человека; 3) личностное начало – свободная воля человека, его разум и его собственная креативная деятельность по самосовершенствованию и созданию новых культурных смыслов. Далее мы и попытаемся обрисовать контуры концепции тройной детерминации криминального поведения. Генотип детерминирует психические возможности человека (задатки), а внешние условия, в особенности условия обучения и воспитания, а также собственные волевые усилия по самосовершенствованию определяют, насколько эти задатки реализовались. «Неповторимый ансамбль ментальных особенностей каждого человека обусловлен взаимодействием трёх начал – генетического, средового и личностного» [7, с. 47]. Человек не есть пассивное произведение биологической наследственности и внешних условий. Как справедливо отмечалось известным генетиком Д. Беляевым, «если всё живое развивается в системе двух составляющих – наследственности и среды – в их взаимодействии, то для человека как личности надо добавить третий элемент, а именно самого себя, своё собственное «эго» с индивидуальным миром духа, чувств, мыслей, страстей, поведения и собственных решений» [8, с. 97]. Человек – единственное на планете существо, обладающее способностью к самодетерминации. Самодетерминация означает свободу по отношению как к силам внешнего окружения, так и к силам внутри самой личности.

Поскольку до настоящего времени недостаточно выявлена роль наследственных задатков в осуществлении криминального поведения, то мы вначале сосредоточим внимание на этом аспекте. Предварительно необходимо пояснить следующий тонкий момент: криминальные задатки существует в виде слабо выраженных задатков альтруистических качеств и сильно выраженных задатков эгоистических качеств. Это и есть генетическая основа криминального поведения. Личность с такой диспропорцией задатков нравственных качеств является наиболее предрасположенной к правонарушениям. Задатки эгоизма субъективно проявляются в виде агрессивных внутренних импульсов. Чем они сильнее, тем труднее человеку их подавлять и тем больше вероятность антисоциального поведения. Таким образом, возможность криминального поведения обусловлена задатками эгоизма и агрессивности, т.е. задатками отрицательных нравственных качеств. Правосознание и мораль тесно связаны друг с другом. Когда задаток реализуется, то он превращается в способность. Криминальная способность в нашем понимании – это не характеристика криминального мастерства, а готовность перейти черту, отделяющую нравственное и законопослушное поведение от аморализма и правонарушения, готовность осознанно причинить зло другим людям. Криминальную способность следует отличать от способности планировать и осуществлять преступления. Такая способность может быть различной у разных преступников. Главари преступных групп, как правило, значительно превосходят рядовых членов по этой способности.

Степень зла, которое преступник способен принести другим людям, может служить показателем криминальной способности. Например, один преступник способен только украсть, другой – украсть и при этом избить человека, а третий – украсть и убить при этом другого человека. Здесь допускается, что преступник уверен в безнаказанности своих поступков, а страх разоблачения отсутствует. Играет роль только его свободная воля. *Человек свободно решает, как ему следует поступить. И поэтому-то он несёт ответственность за свои поступки.* Рамки морали шире, чем рамки права. Поэтому противоправное поведение всегда аморально. Психологический механизм зла – аморального и противоправного – один. И он заключается в осознанной готовности личности перейти в своих действиях черту дозволенного обществом поведения. Личностной основой криминального поведения является низкая нравственность человека, его аморализм. Отсутствие внутренних нравственных норм позволяет человеку переступить черту дозволенного в обществе моралью и законом и совершить преступление. Чем ниже

уровень нравственности человека, тем на более тяжкие преступления будет способен такой человек.

Если отрицать наличие задатков к криминальному поведению, то становится необъяснимым само существование преступлений, поскольку любая деятельность – нравственная и безнравственная, законная и противозаконная – основана на соответствующей способности к её осуществлению. Деятельность без способности не существует. Как справедливо отметит А.В. Петровский, «способности обнаруживаются только в деятельности, которая не может осуществляться без наличия этих способностей» [9, с. 469]. В основе же самой – притом любой – способности лежит наследственный задаток, из которого и вырастает эта способность при наличии соответствующих социальных условий и активности человека.

Имеются эмпирические подтверждения влияния наследственности на нравственную сферу человека и его поведение. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые факты преступности близнецов. В парах преступников-близнецов однойцевые встречаются вдвое чаще, чем двуяйцевые. Интересно ещё отметить, что однойцевые близнецы-преступники в противоположность двуяйцевым оказались поразительно сходными по характеру своих преступлений, хотя совершали их независимо друг от друга. Напомним, что если разница по любым признакам между двуяйцевыми близнецами вызвана и наследственными различиями между ними, и различиями в условиях развития, то разница между однойцевыми близнецами вызвана только различиями в условиях развития, тогда как наследственность у них идентична, то есть одинакова. Известно, что среди преступников со сниженным интеллектом аномалии ХХУ встречаются в 10 раз чаще, чем среди остального населения. Среди высокорослых преступников аномалия ХУУ встречается в несколько десятков раз чаще, чем среди нормальных мужчин [5].

Последние два факта показывают какой-то крайний вариант влияния генотипа на нравственные качества человека, однако можно предположить, что имеется наследственная обусловленность нравственных качеств человека не только в условиях аномалии, но и нормы. Как показано К.К. Платоновым, любое свойство личности может рассматриваться как потенциальная способность при соотнесении этого свойства с деятельностью, специфику которого оно определяет. И эта потенциальная способность превращается в актуальную как только личность начинает выполнять данную деятельность [10]. Так, доброта есть способность бескорыстно приносить пользу другим людям, альтруизм – способность любить не только себя, но и других людей, смелость – способность преодолевать опасность, честность – способность в трудных ситуациях говорить и отстаивать правду, жестокость – способность причинять другим людям страдания и т.д.

Если признать, что нравственные качества человека – это особые способности, то на них будут распространяться все сформулированные выше положения о природно-генетической и социально-культурной детерминации способностей, а именно: 1) человек обладает наследственными задатками нравственных качеств; 2) величина этих задатков обусловлена нормой реакции; 3) степень реализации задатков и становления уже самих нравственных качеств определяется условиями воспитания и самовоспитания; 4) в человеческой популяции среди её членов имеется нормальное статистическое распределение по величинам наследственных задатков нравственных качеств – наибольшее количество людей обладает какой-то средней величиной задатка, а людей с большей или меньшей величиной этого задатка всё меньше и меньше по мере удаления от средней величины.

Притом, человек обладает задатками как альтруистических, так и эгоистических качеств. Первые возникли в процессе антропосоциогенеза как реализация необходимости выживания популяции в целом, а вторые – как реализация необходимости индивидуального выживания. Как справедливо отмечает М.Л. Бутовская, «агрессия и альтруизм – две стороны единой человеческой сущности, эволюционировавшие скоординированно под действием общих внешних и внутренних факторов» [11, с. 150].

В процессе антропосоциогенеза имели место две формы естественного отбора. Одна форма – отбор отдельных индивидов, успешно конкурировавших в борьбе за существование. В результате такого отбора формировались задатки эгоистических качеств, помогавшие лучшему выживанию отдельных индивидов. Другая форма – биосоциальный отбор, то есть

отбор групп, первобытных стад, которые более успешно, чем другие группы, вели борьбу за существование благодаря лучшему выполнению хозяйственной деятельности и лучшей сплочённости. Такая форма отбора обеспечивала становление задатков альтруистических качеств. А. Зенкин показывает, что «составляющая нравственности заложена... в биологии человека, в невозможности ему выжить в одиночку,... что и развило комплекс генов, стоящих в основе необходимости сплочённости, социализации, дружелюбности, ответственности за жизнь других и даже в возможности сознательно стать жертвой, спасая других особей рода» [12, с. 5]. В.П. Эфроимсон отмечал, что, казалось бы, естественный отбор должен быть целиком направлен на развитие хищнических инстинктов, инстинктов господства, суперсекса, захвата территорий. Но специфика эволюционного развития человечества, в значительной мере из-за всё удлиняющегося периода беспомощности младенцев и детей, такова, что естественный отбор был в очень большой мере направлен на развитие биологических основ самоотверженности, альтруизма, коллективизма, жертвенности. Эгоизм очень способствует выживанию индивида. Однако продолжение рода и сохранение группы требовало от наших предков непрерывной героической заботы о потомстве и об охране его. «Группа, стая, род, орда, не обладавшие биологическими основами мощных инстинктов и экстраполяционных рефлексов коллективной защиты потомства и группы, обрекались на гибель особой формой естественного отбора – групповым естественным отбором. Иными словами, наряду с элементарным индивидуальным отбором шёл и групповой отбор на бесчисленные формы альтруизма, направленные на развитие коллективизма и множества других индивидуально невыгодных, но полезных обществу форм поведения, диктуемых совестью» [13, с. 18].

В процессе группового отбора формировались задатки реакций, направленных не только на заботу о детях, но и на заботу о старых людях. Уже на заре организации человеческих сообществ, с развитием речи всё большее, а может и решающее, значение в борьбе за существование стал играть накапливаемый и передаваемый опыт. Объём знаний, умений и навыков, необходимых племени для выживания в борьбе с врагами, неуклонно возрастал. Умения и навыки изготовления орудий, одежды, добывания и поддержания огня, ловли рыбы и зверей, сбора и хранения провизии, знание повадок животных, знание свойств пищевых, целебных и ядовитых растений, знание звёзд, рек, болот, гор, лечения ран и болезней, ухода за младенцами, устройства жилья – весь этот поистине энциклопедический арсенал знаний, получаемый от предков и накапливаемый, осваиваемый, проверяемый в жизни, при отсутствии письменности почти целиком становился достоянием старых людей.

Старые люди с их жизненным опытом и резервуаром хранимых в памяти знаний неизбежно становились охраняемым и почитаемым кладом для племени. От этой малочисленной в те времена группы выживание племени, может быть, зависело в гораздо большей мере, чем от молодых, не опытных добытчиков. Разумеется, старые люди уже не передавали свои гены потомству. Но группы, орды и племена, в которых охрана старых людей и помощь им не была столь же автоматической, рефлексорной и обязательной, как помощь детям, обрекались на быстрое вымирание или, во всяком случае, при прочих равных условиях, оказывались в несравненно худшем положении, чем племена, в которых всё разнообразие жизненного опыта дикарей передавалось из поколения в поколение.

Итак, на всём протяжении антропосоциогенеза «отбор шёл во взаимопротивоположных направлениях – как на альтруизм, так и на совокупность хищнических, собственнических инстинктов и эмоций, в частности, и на эмоции жадности, похотливости, господства, властолюбия. Неизбежное следствие – гетерогенность, сочетание этичности в одной сфере с неэтичностью – в другой» [13, с. 22].

Как и задатки познавательно-мыслительных способностей, задатки нравственных качеств могут у разных людей быть выраженными в разной степени. Н.С. Лейтес справедливо ставит вопрос о нравственной одарённости, отмечая, что в одной и той же семье вырастают и нравственные люди и нравственные уроды, причём различия эти начинают проявляться с раннего детства [14, с. 127]. Если не признавать генетической обусловленности нравственности, то нельзя объяснить тот факт, что из множества людей, проживающих в одинаковых социальных условиях, одни лица совершают правонарушения, а другие нет.

Величина нравственной одарённости людей, как и интеллектуальной, может колебаться в очень широких пределах. Думается, что прав Д.И. Дубровский, полагающий, что «есть не только гении научные и поэтические, но и гении добра и нравственной силы... и есть, по-видимому, что-то напоминающее гения зла с его демонической силой» [15, с. 116]. С учётом того, что генотип человека неоднороден, то есть имеет место наследственная гетерогенность, можно признать правильным и положение о том, что «гений и злодейство иногда могут идти рука об руку и что не столь уж редко одарённая творческая личность отталкивает своим аморализмом» [15, с. 117]. В.П. Эфроимсон также полагал, что «гениальность не исключает реакционности... история знает немало злых гениев, оказавшихся на стороне реакции» [16, с. 15]. Гений и злодейство всё же совместимы, в этом случае выдающаяся одарённость в познавательном-эстетическом (научном, художественном, политическом) отношении сочетается с плохой одарённостью в нравственном отношении.

Эгоистические качества человека можно рассматривать как личностную основу криминального поведения. Одним из таких качеств служит агрессивность, под которой понимается способность человека нанести оскорбление или вред другому человеку. М.В. Алфимова и В.П. Трубников с помощью близнецовых и семейных исследований посредством психологических опросников показали, что в межиндивидуальные различия в агрессивности примерно равный вклад вносят и разнообразие генотипов (коэффициент наследуемости равен 40–50 %), и разнообразие средовых факторов. Часть генов, влияющих на различия в данной психологической характеристике, является общей для разных типов агрессивного поведения (вербального, физического, самоповреждающего) и некоторых черт темперамента (эмоциональности, импульсивности). Они отмечают, что «концепция одного «гена агрессивности» не реалистична... на склонность к агрессии могут влиять многие гены и сложные взаимодействия между ними... со временем, когда индивидуальная генетическая диагностика станет доступной, генетические данные можно будет использовать для оценки индивидуальной реактивности на различные средовые воздействия, провоцирующие агрессию, а значит – и для профилактики агрессии» [17, с. 121].

Существование наследственных задатков нравственных качеств не означает жёсткой генетической предзаданности морального облика человека и его поведения, в том числе и криминального. Задатки есть только возможность (предрасположенность) формирования тех или иных свойств личности, а её реализация в соответствующей степени определяется условиями воспитания, жизни в целом и собственной духовной активностью. Нет ни природной, ни социальной предопределённости (неизбежности) совершения преступлений. Гегель справедливо отмечал: «Обстоятельства и мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это» [18, с. 26]. Даже если человек обладал выраженными криминальными задатками и проживал к тому же в неблагоприятных социальных условиях, его свободная воля и разум могут доминировать над этими двумя негативными факторами и блокировать агрессивные импульсы. Свободная воля выступает в форме самодетерминации личности – выбора деятельности, относительно свободной от имеющихся условий – как внешних, так и внутренних, в том числе от собственных желаний.

Для осуществления криминального или законопослушного поведения особенно важны условия первых лет жизни ребёнка. Многими исследователями отмечается, что отсутствие ласки, доброты и заботы в младенчестве может быть причиной рецидивирующей агрессивности (постоянной злобности); задатки альтруистического ряда качеств (отзывчивости, доброты, сочувствия, деликатности, бескорыстия и других) при этом почти не реализуются, и возникает безудержный эгоизм, прорывающийся в садистских стремлениях к самоутверждению, в сознательно немотивированных формах жестоких преступлений [19].

При изучении причин преступности всегда обнаруживается огромное множество факторов, любому из которых легко произвольно приписать решающее значение. Не абсолютизируя значения генетического фактора, надо признать его существенную роль в совершении правонарушений. Аналогично тому, как в обычных условиях болеют, например гриппом, в основном лица, наиболее к этому предрасположенные, а при ухудшении условий (скажем, резком и неожиданным похолоданием) начинают болеть и менее предрасположенные, из людей, воспитанных и проживающих в одинаковых социальных условиях, преступления больше совершают те, которые имеют наибольшие задатки эгоистических качеств, а меньше преступлений совершают люди с более выраженными

альтруистическими задатками. При ухудшении социально-экономических условий преступления начинают совершать и те лица, которые имеют менее выраженную наследственную предрасположенность к криминальному поведению, как это произошло, к сожалению, в республиках СНГ в последние три десятилетия.

Генотип определяет большую или меньшую возможность совершения преступления, а её реализация зависит от условий жизни человека и его свободной воли. Важную роль в установлении конкретных социальных факторов, порождающих преступность, по справедливому мнению В.П. Эфроимсона, может иметь метод изучения близнецов [13]. В биографии каждого человека имеются криминогенные обстоятельства, то есть ситуации, в которых человек мог бы совершить правонарушение. Но лишь в немногих случаях они приводят к совершению преступлений. В силу чрезвычайной сложности биографии любого человека выделение решающих криминогенных факторов почти всегда оказывается делом спорным. И именно поэтому близнецовый метод может оказать криминологии неоценимые услуги. Важно тщательное изучение биографии тех пар однояйцевых близнецов, в которых преступником стал только один из них. Поскольку в таких парах оба близнеца идентичны по генотипу и обычно попадают в почти одинаковые условия развития, именно на этих парах близнецов можно отчётливо выявить то исходное, быть может, минимальное отклонение, которое привело одного из партнёров к преступлению, а другого не затронуло. При сравнении однояйцевых близнецов наследственные различия сведены к нулю, а внешние условия, как правило, чрезвычайно сходны. Поэтому число переменных сведено до минимума, и отыскание решающей детерминанты преступления облегчается до предела по сравнению с обычными поисками криминогенных факторов в биографии преступников.

В плане профилактики преступности основная задача нравственного воспитания заключается в том, чтобы создать условия и разработать педагогические приёмы, обеспечивающие реализацию альтруистических задатков и препятствующие реализации эгоистических задатков. Особое внимание, вплоть до применения специальных психотерапевтических мер (естественно, с соблюдением норм этики и гуманизма) должно уделяться лицам с известными сейчас аномалиями генотипа, отрицательно влияющими на нравственные качества.

Интерес к проблеме «Генетика и преступность» усилился в 1990-е годы, особенно в США. Там в штате Джорджия Стефан Мобли вошёл в магазин, ограбил управляющего и затем хладнокровно убил его выстрелом в голову. Через несколько недель он был арестован и сознался в нескольких вооружённых ограблениях и убийствах. В надежде на смягчение наказания и сохранение жизни Мобли и его адвокаты обратились к суду с просьбой провести генетическое исследование, чтобы проверить, не связано ли антисоциальное поведение их подзащитного с его генетическими особенностями. Адвокаты хотели бы доказать, что Мобли не может отвечать за свои поступки в той мере, в какой отвечает за них человек, не имеющий генетической предрасположенности к антисоциальному поведению. Однако просьба адвокатов о генетическом обследовании Мобли была отклонена, и приговор оказался суровым – смертная казнь [5].

Приговор был справедливым. Генотип человека, как было показано выше, влияет на антисоциальное поведение. Однако, поскольку гены не запускают конкретное поведение, а влияют на него посредством формирования определённой предрасположенности, знание собственной генетической конституции не освобождает человека от ответственности за свои антисоциальные поступки, а усиливает её. В этом случае особенно важен личностный фактор: осознавая и осмысливая свою жизненную ситуацию и обладая свободной волей, человек может противодействовать агрессивным импульсам и оставаться на пути нравственного и законопослушного поведения. Например, если человек знает о том, что он предрасположен к алкоголизму и агрессивному поведению после принятия спиртных напитков, то он должен избегать ситуаций, в которых происходит употребление алкоголя. *Человек в любом случае сам делает нравственный и правовой выбор*, но в некоторых случаях из-за генетических особенностей и социальных факторов ему труднее сделать правильный выбор и противиться внутренним агрессивным импульсам. Положение о том, что один определённый ген служит причиной антисоциального поведения, признано неверным. На любую форму поведения влияет много генов. Кроме генотипа поведение зависит ещё от множества социальных факторов. Генетическая диагностика склонности к

антисоциальному поведению поможет осуществлять самоконтроль и нейтрализовать внутренние агрессивные импульсы.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: 1) криминальное поведение человека, несомненно, зависит от его наследственности, которая проявляется в виде большей или меньшей предрасположенности к антисоциальному поведению; 2) диагностика генетической предрасположенности к аморальному и криминальному поведению может служить основой: а) создания системы воспитания, препятствующей реализации задатков эгоистических качеств и возможности правонарушений, б) разработки мер психотерапевтической коррекции поведения у лиц с нежелательными аномалиями генотипа; в) разработки и осуществления приёмов личностного самоконтроля, нейтрализующего внутренние агрессивные импульсы; разум и свободная воля человека способны обеспечить ему выбор нравственного и законопослушного поведения.

Примечания:

1. Lombroso Ch. Uomo delinguent. Vol. 3. Torino, 1896-1897. 286 p.
2. Антонян Ю.М. Криминология. М.: Юрайт, 2012. 523 с.
3. Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд. М. Норма-Инфра-М, 2010. 800 с.
4. Антонян Ю.М. Криминология. 2-е изд. М.: Юрайт, 2012. 523 с.
5. Губанов Н.И., Никольская Н.Н. О природной и социальной детерминации нравственности и криминального поведения // Философские науки. 2002. №2. С.98-105.
6. Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философский анализ проблемы природной и социальной обусловленности криминального поведения // Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. История и философия науки. М.: Изд-во СГУ, 2014. С. 394-409.
7. Губанов Н.Н. Закономерность тройной детерминации менталитета // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 10. С. 46-50.
8. Беляев Д. Генетика, общество, личность // Коммунист. 1987. № 7. С. 90-98.
9. Петровский А.В. Введение в психологию. М.: Академия, 1995. 496 с.
10. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982. 310 с.
11. Бутовская М.Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов // Общественные науки и современность. 1998. №.6. С. 149-160.
12. Зенкин А. О биологии нравственности человека // Российская Философская Газета. 2014. № 1-3 (87-89). С. 5.
13. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 288 с.
14. Лейтес Н.С. Возрастная одарённость и индивидуальные различия / Избр. труды. М., Воронеж: МОДЭК, 1997. 448 с.
15. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: РЭЙ, 1994. 120 с.
16. Эфроимсон В.П. Предпосылки гениальности (Биосоциальные факторы повышенной умственной активности) // Человек. 1997. №3. С. 5-18.
17. Алфимова М.В., Трубников В.П. Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. 2000. №6. С.112-123.
18. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М.: Мысль, т. 2, 1971. 456 с.
19. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О ментальных основаниях общественной Солидарности // Социум и власть. 2012. № 1. С. 98-102.

References:

1. Lombroso Ch. Uomo delinguent. Vol. 3. Torino, 1896-1897. 286 p.
2. Antonyan Yu.M. Kriminologiya. M.: Yurait, 2012. 523 s.
3. Kriminologiya / Pod red. V.N.Kudryavtseva i V.E.Eminova. 4-e izd. M. Norma-Infra-M, 2010. 800 s.
4. Antonyan Yu.M. Kriminologiya. 2-e izd. M.: Yurait, 2012. 523 s.
5. Gubanov N.I., Nikol'skaya N.N. O prirodnoi i sotsial'noi determinatsii npravstvennosti i kriminal'nogo povedeniya // Filosofskie nauki. 2002. №2. S.98-105.
6. Tsaregorodtsev G.I., Shingarov G.Kh., Gubanov N.I. Filosofskii analiz problemy prirodnoi i sotsial'noi obuslovlennosti kriminal'nogo povedeniya // Tsaregorodtsev G.I., Shingarov G.Kh., Gubanov N.I. Istoriya i filosofiya nauki. M.: izd-vo SGU, 2014. S.394-409.
7. Gubanov N.N. Zakonomernost' troinoi determinatsii mentaliteta // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 10. S. 46-50.

8. Belyaev D. Genetika, obshchestvo, lichnost' // Kommunist. 1987. № 7. S. 90-98.
9. Petrovskii A.V. Vvedenie v psikhologiyu. M.: Akademiya, 1995. 496 s.
10. Platonov K.K. Sistema psikhologii i teoriya otrazheniya. M.: Nauka, 1982. 310 s.
11. Butovskaya M.L. Agressiya i primirenie kak proyavlenie sotsial'nosti u primatov // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1998. №.6. S. 149-160.
12. Zenkin A. O biologii npravstvennosti cheloveka // Rossiiskaya Filosofskaya Gazeta. 2014. №1-3 (87-89). S. 5.
13. Efroimson V.P. Genetika etiki i estetiki. SPb.: Talisman, 1995. 288 s.
14. Leites N.S. Vozrastnaya odarennost' i individual'nye razlichiya / Izbr. trudy. M., Voronezh: MODEK, 1997. 448 s.
15. Dubrovskii D.I. Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz. M.: REI, 1994. 120 s.
16. Efroimson V.P. Predposylki genial'nosti (Biosotsial'nye faktory povyshennoi umstvennoi aktivnosti) // Chelovek. 1997. №3. S. 5-18.
17. Alfimova M.V., Trubnikov V.P. Psikhogenetika agressivnosti // Voprosy psikhologii. 2000. №6. S.112-123.
18. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let. M.: Mysl', t. 2, 1971. 456 s.
19. Gubanov N.I., Gubanov N.N. O mental'nykh osnovaniyakh obshchestvennoi Solidarnosti // Sotsium i vlast'. 2012. № 1. S. 98-102.

УДК 140.8

Биологическая, социальная и личностная детерминация нравственности и криминального поведения

¹ Николай Иванович Губанов

² Николай Николаевич Губанов

¹ Тюменская государственная медицинская академия. Российская Федерация
Заведующий кафедрой философии, профессор
E-mail: gubanov48@mail.ru

² Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана. Российская Федерация
Доцент кафедры философии
E-mail: gubanovnn@mail.ru

Аннотация. Авторами предпринята попытка наметить контуры концепции тройной детерминации криминального поведения. Это поведение зависит от наследственности, социальной среды и личностного начала – свободной воли человека, его разума и самодетерминации. Влияние наследственности проявляется в виде аморальных и криминальных задатков – большей или меньшей предрасположенности к агрессивным поступкам. Величина криминальных задатков человеческой популяции укладывается на кривую распределения случайных значений. Степень реализации криминальных задатков определяется социальными условиями проживания человека, особенно условиями воспитания и обучения. Из людей, живущих в одинаковых социальных условиях, больше преступлений совершают лица с большей величиной криминальных задатков. Свободная воля человека, основанная на разумном анализе своей экзистенциальной ситуации, может противодействовать и нейтрализовывать внутренние агрессивные импульсы, связанные и с наследственностью и с условиями жизни, являясь тем самым решающим фактором поведения человека. Диагностика величины генетической предрасположенности к криминальному поведению может служить основой для разработки мер психотерапевтической коррекции поведения лиц с аномалиями генотипа, осуществления нейтрализующего внутренние агрессивные импульсы личностного самоконтроля, создания системы воспитания, препятствующей реализации криминальных задатков.

Ключевые слова: задатки, способности, криминальные способности, биосоциальный отбор, агрессивность, свободная воля, метод близнецов, диагностика криминальных задатков.